

ПОСЛЕЛОГИ И НАРЕЧИЯ

283. Послелоги и многие наречия этимологически являются либо именами, либо определенными формами глагола. Та группа слов, которая названа здесь послелогами, соответствует предлогам европейских языков. Если они тесно примыкают к предшествующему имени, они являются послелогами, если же они тесно примыкают к последующему глаголу, они оказываются наречиями.

Послелоги употребляются большей частью для того, чтобы восполнить склонение имени и заменить падежные формы, уточняя их.

Послелоги, образованные от имен, названы нами именными послелогами, а образованные от глаголов — глагольными.

ИМЕННЫЕ ПОСЛЕЛОГИ

284. Именные послелоги логически находятся в отношении определяемого к предшествующему определению, выраженному именем существительным. Это отношение, однако, не выражено окончанием родительного падежа; два слова, определение и определяемое, соединяются лишь ударением. Послелоги фактически безударны. Что касается их формы, то именные послелоги имеют именительный, творительный и местный падежи. Во многих словах творительный и местный употребляются параллельно с семантическим различием, диктуемым самими этими падежами.

Наиболее часто употребительными послелогами этого типа, которые соединяются с сильно акцентированным предшествующим именем существительным, являются:

1) *антхе, антхыро* (перед, в присутствии, благодаря, из-за). Например: *абаним антхе мар хайессо* (я сказал это моему отцу), *тоджок антхе чугессо* (он умер из-за

разбойника > он был убит разбойником). Это слово, которое часто пишется *хантхэ* вместо *антхэ*, является местным падежом от основы **антх*, не имеющей именительного падежа. Это **антх* соответствует маньчж. *antu* (перед), тунг. *ant* (юг). Местный падеж его *антхе* употребляется с очень широким диапазоном значений.

2) *анхе*, *анхыро* (*ане*, *аныро*) (в, среди); это местный и творительный падежи от имени *анх*, *ан* (внутренность; также подкладка платья), которое встречаем во многих сложных словах: *анкхан* (внутренняя комната), *анппат* (внутри и вне), *тонган* (в течение), *уран* (двор; от *ул* — плетень, ограда и *ан* [нутро]), *анхэ* (жена), *анхак* (женщина).

3) *анхе*, *анхыро* (раньше *аллхай*, *аллхэро*) (перед): *сан анхыро ватта* (он пришел сюда этой стороной горы), *сан анхе* (перед горой), *кы анхе* (перед этим, раньше), *чип анхыросө* (перед домом). Основа этого послелога **аллх* соответствует турецк. *alp* (герой), монг. *albagut* (знать), турецк. *alpaüt* с тем же значением.

4) *арэ* (пишется *арай* (низ) употребляется ныне только в именительном падеже: *арэнни* (нижний зуб), *арэе* (на нижней стороне). Этимологически *арэ* является местным падежом имени существительного *ал* (низ), которое находим в таких сложных именах, как *пэал* (желудок), *чибал* (место под домом). Творительный падеж *алло* означает „вниз, книзу“. Этот послелог соответствует турецкому *al* (в), *altin* (под).

5) *уе* (*ухөи*, *ухый*), *уыро* (*ухыро*, *уыру*, *ууру*) из *у* (на, над); встречаются во многих сложных именах: *уссарам* (человек высшего класса), *унни* (верхний зуб), *утчөгори* (верхняя одежда, верхнее платье) и т. д. Слово *у* или более ранняя форма его *уг*, *унь* встречается в *чибунь*, *чибу* (крыша) и соответствует тунг. и в *uile* (на, над), *uiski* (вверх), *uig-*, *ugir* (поднимать).

6) *со* (нутро, сердце) и *сок* с тем же значением. Отсюда *сое*, *соге*, *соыро* (в, внутри) как правильные образования от до сих пор существующих имен *со* и *сок*.

7) *ккыт* (конец) часто употребляемое ныне имя существительное; в местном и творительном падеже оно функционирует как послелог в значении „позади, после“.

Оно, видимо, соответствует гольдскому *кыта*, *кытта* (корма).

8) *кат*, *кѳт* встречается в составе сложных слов и означает „наружная сторона“; *паккат*, *паккѳт* (наружная сторона), *кѳт тѳлда* (вывернуть наружу), *кѳт-пор-ан* (по внешнему виду узнать, догадаться, что творится внутри). Местный падеж этого слова *катхе*, а также творительный *катхыро* употребляются как послелог в значении „возле, рядом, около“: *сан катхе* (возле горы). Ср. турецк. *qat* в *qatında* (рядом с), монг. *qа᠘ar*, *qа᠘ir* (подбородок).

9) *к'ѳт* (возле, рядом); именительный падеж этого слова не употребителен, если исключить сложные слова; этимологически идентичен слову *к'ѳт* (друг, сторонник, приверженец). Очень часто употребляется местный (*к'ѳтхе*) и творительный (*к'ѳтхыро*) падежи этого имени в значении „возле, около, рядом“: *нэ к'ѳтхе санын сарам* (человек, который живет со мной), *сан к'ѳтхыро* (возле горы), *кань к'ѳтхыро катта* (он пошел к реке).

10) *йѳпхе*, *йѳпхыро* (возле, рядом); видимо, восходит к *йѳп* (бока, ребра): *нэ йѳпхе санын сарам* (человек, который живет со мной [у меня]); *абаным йѳпхе сая* (я живу с моим отцом [у моего отца]); *сан йѳпхе кэчѳни хырында* (ручей течет вдоль горы [у горы, под горою]). Родственными словами, видимо, являются тунг. *ārī* (ребро), монг. *ерᠰigün* (грудь).

11) *мит* (низ, дно); в дательном и творительном падеже: *митхе*, *митхыро*; в этих формах употребляется со значением „под“: *наму митхе* (под деревом), *сан митхе* (под горой, у горы).

12) *тви* (зад); в сложных словах: *теичип* (дом позади); *чиптви* (задняя сторона дома); местн. п. *тви-е*, *түй-е* и твор. п. *тви-ро*, *тви-ыро*, *түй-ыро*, *туу-ру* употребляется как послелог „позади, за“. *Тви* отождествляется с гольдским *dui* (*duile* — за). Раньше *тви* употреблялось также в значении „север“, противопоставляясь *ан* в значении „юг“. *Тви-е* и *анх-е* ныне употребляются большей частью в значении местных послелогов: *мун тви-е* (за дверью), *мун анх-е* (перед дверью), *сан тви-е* (за горою, по ту сторону горы), *сан анх-е* (по эту сторону горы).

перед горой). В других значениях, например временном, возобладали или начинают преимущественно употребляться китайские синонимы указанных выше слов: *ху*, (позади, за, после) и *чэн* (перед, до).

13) *пат* (снаружи); основа **патк*; употребляется в составе сложных слов; как послелог или наречие употребляется только в форме местного падежа: *пакке* (раньше *паткан*) или творительного падежа: *пакк-ыро* (раньше *паткйро*); значения этих падежей весьма многообразны: *чип пакк-ыро кассо* (он вышел из дому, он вышел на улицу), и *пакк-е тарын гөс-и мансо* (помимо этого есть много другого), и *мал пакк-е-нын тә пилксо* (за исключением этого слова все остальное ясно); и *пут пакк-е әпсо* (нет ли у вас перьев помимо этого?); и *пут пакк-е* (за дверями); *чогом пакк-е ани кидйр'эссо* (он ждал немного). Во всех значениях, кроме локального, ныне предпочитается китайский синоним *ве* (орфографически *ои* — внешняя сторона): и *ве-йе* (помимо этого, кроме этого).

14) *ккаджи*, *ккөджи*, *ккат*, *ккөт* (до, вплоть до): *иптэ ккаджи* (доныне), *илбон ккаджи* (до Японии, вплоть до Японии), *чөн'өк ккаджи* (до вечера). Первоначально это слово, видимо, имело основу **ккадж*; *ккаджи* является в таком случае древним *casus instructivus* на *и*, а *ккат* — именительным падежом. Иногда вместо *ккаджи* употребляют *ккаджупь*, *ккаджу*. Но эти варианты, как говорит Ундервуд, не из лучших; *ккаджу*, видимо, составное слово со вторым элементом *у* (на, над).

15) *качхи*, сев.-кор. *катхи* (как, подобно): *на ва качхи* (как я, подобно мне, со мной, вместе со мной); *нун качхи* (как снег, словно снег), *ури качхи* (как мы, подобно нам, с нами), *чө чхэк ква качхи кырым-ыл сассо* (вместе с книгой он купил картину). Этот послелог является формально именем на *и* от глагола *кйтта* (|| *кйтха* || *кйтхын*) (быть подобным, быть тем же самым). Имя существительное *качхи* означает также „сходство“ и „подобным (сходным) образом“.

16) *каджи* (сорт, род): *хангаджи* (один сорт, один род, одинаковым образом). Наряду с *хангаджи* употребляются в том же значении *ханде* (< *хан тай* — одно

место) и *хамккый* > *хамкке* (из *хан пкый* — одно время). *Каджи* является именем на *и* от глагола *капта* (|| *каджа* || *каджын*) (быть в порядке), фактитив *качхуда*, *качхида* (приводить в порядок). Слово *каджи* было заимствовано маньчжурским (*haçin* — сорт, порядок) и тунгусским (*taŋ-ŋaçin* — такой, такого рода) языками.

17) *ккири* (среди). Гейл в своем словаре указывает, что „*ккири* как окончание употребляется после имен и местоимений, имеет значение множественного числа группового характера“. *Ккири* — это имя существительное на *и* от глагола *килда* (быть длинным); таким образом, *кир-и* означает „(вдоль) всей линии“. Начальная геминация согласного является результатом воздействия окончания родительного падежа, предшествовавшего этому слову (см. „Фонетика“). *Ури ккири* (среди нас, в нашей группе).

18) *чунъ-е*, сев.-кор. *тунъ-е*, *тунъ-е* (среди, в), послелог китайского происхождения; это местный падеж от *чунъ*.

19) *те*, *де* (орфография *тэй*) или с геминатом *ттэ*, китайское имя существительное „место“. Большей частью употребляется в форме творительного падежа: *и ттэ-ро* (вместо этого). Сложное слово *тэсин* в значении „место“ употребляется обычно в форме местного падежа: *тэсин-е*, *тесин-е*; синонимом этого слова в сев.-кор. является *тэби*, в творительном падеже *тэби-ры*, *тэби-ру* (вместо).

20) *тэ* (согласие, согласованность), в творительном падеже *тэ-ро* (в согласии с, так как, согласно), употребляется после имен существительных как послепричастное имя: *иттэро*, *идэро* (согласно этому, как это), *малдэро* (согласно сказанному), *ттыл ттэро* (поскольку возможно; ср. маньчж. *mutere teile*, *mutere i teile* в том же значении).

21) *ттан* (из): *чин ттан* (из дома), *сарам ттан* (от человека). В основе *ттан* лежит имя существительное *тан* (граница, край), которое имеет правильное склонение: *чэттан-е*, *чэттан-есө* (оттуда) и т. д. Геминация начального согласного объясняется наличием некогда перед этим именем форманта родительного падежа (см. „Фонетика“).

Это *ттан*, видимо, соответствует турецкому *jan* (сторона, бок) и старотурецкому окончанию *-dajan, -danjan, -danjan* — древнейшей из известных форм современного турецкого аблатива на *-dan*.

22) *-ттави, -ттаи* (как, подобно): *иттави* (подобно этому), *сарам-ттави* (как человек). *Ттави* восходит к *таби* (причины геминации те же, что и у послелого *ттан*), имени существительному на *и* от глагола *тапта* (достойный, заслуживающий), который мы рассматривали выше, в параграфе об отымённых глаголах (*сарам-дапта* — человеческий и т. п.). С этим *таби*, ныне *ттави*, ср. тюркское (уйгурское) *tabu* (-образный).

23) *таым* (следующий); это имя существительное на *-м*, произведенное от ныне не существующего глагола *таг-*, означавшего „следовать, быть близким“. Местный падеж *таым-е*, равно как творительный (*таым-ыро*), употребляется в значении „после“: *и даым-е* (после этого, вслед за этим), *и мал таым-е* (после этого слова), *и мал таым-ыро* (вслед за этим словом). С глаголом **таг-* ср. турецк. *jaqu-* (быть близким; *jaquq* — близко) и тунг. *daga* (близко).

24) *чхөрөм, чхөрөм, чхөро*, сев.-кор. *тх'өры* (словно как); видимо, творительный падеж от имени **тх'ө* с последующим *хам* (*чхөрөм* из **чхөру хам*), ср. *подөм, пухөм*.

25) *ква* (после согласных), *ва* (после гласных), сев.-кор. *ква, гва* (и, с): *мал ква со* (кони и волы), *со ва мал* (волы и кони), *на ва катхын* (такой, как я), *нө ва тарында* (не похожий на тебя, не такой, как ты). Не ясно, что лежит в основе *ква*, глагол или имя. *Ква* можно сопоставить с тунгусским *ku* в составе притяжательных прилагательных: *asi ku* (женатый; *asi* — жена), *kise ku* (счастливый; *kise* — счастье), *ambanku* (одержимый демоном; *amban* — дьявол, нечистый, тигр).

26) *чари* (место, кровать). Употребляется в форме именительного и местного падежей как послелог в значении „вместо, благодаря“. Возможно, что *чари* представляет собой имя существительное на *ри* от глагола *ча-* (спать). Этот послелог часто употребляется в том же

значении, что тунг. *žagin*, гольдское *žagin*, маньчж. *žalin* (благодаря).

Очень трудно, почти невозможно провести четкую границу между именами существительными и той категорией слов, которую мы назвали именными послелогоми. Многие из перечисленных выше послелогов на деле имеют ударение и употребляются как правильные имена.

ГЛАГОЛЬНЫЕ ПОСЛЕЛОГИ

285. Такое название может быть дано словам, которые образованы от глаголов и которые употребляются без ударения после имени существительного. Если такой глагол является переходным, то предшествующее имя существительное логически является объектом. У некоторых из этих послелогов связь с тем глаголом, от которого они произведены, уже утеряна.

а) послелогои на *-да*:

пода (чем, сравнительно с): *и и-га чө пода нао* (это лучше, чем то); вместо *пода* встречаем также *подам* и *подэ*: *санън'өн подам-ын чогом наа* (немного лучше, чем в прошлом году); относительно *пого* см. ниже.

ида,-да (пока, будучи): *чиб-е-да* (пока был дома, будучи в доме); это *-да*, как кажется, очень часто употребляется перед глаголом *пода* (смотреть) для указания направления: *нэйθ-да пода* (выглядывать), *тырθ-да пода* (заглядывать), *чх'θ-да* (вверх), *нар'θ-да* (вниз) и т. д.

б) послелогои на *-го*:

хаго (сокращенно *кхо*) (и, вместе с); восходит к глаголу *хада* (делать, говорить): *на хаго не хаго кагессо* (пойдем и я и ты);

малго (от глагола *малда* — избегать) и *эпко* (от *эпта* — не быть) употребляются в значении „без“: *тон эпко катта* (он ушел без денег), *хоранъи малго чимсэнъи* (все животные, исключая тигра); в том же значении, что и *эпко*, употребляется *эпси*;

каджиго (от *каджида* — иметь) в значении „с“: *кохый каджиго ватта* (пришел с бумагами), *тон каджиго катта* (ушел с деньгами);

тариго или *мохыго* или *мосиго* в значении „с“, „в сопровождении“: *сөнсэнь мосиго оо* (приходит с учителем), *анаги ахэ тариго вассо* (женщина пришла с ребенком); *пого* — см. ниже *поа*.

в) послелогои на *-а*, *-ө*. Это наиболее обширная группа послелогов. Мы перечисляем ниже только некоторые из них. Эти послелогои формально представляют собой деепричастия прошедшего времени. Границу между послелогом этого типа и деепричастием прошедшего времени провести очень трудно.

сө (будучи) (после всех падежей, кроме родительного и винительного). Эта форма глагола **исида* (ныне *итта* — быть) подробно рассматривалась нами в главе, посвященной падежам, и была там названа эссивной частицей.

ссө употребляется в литературном языке после творительного падежа: *хим-ссө*, *хим-ыро-ссө* (что есть силы); восходит к глаголу *ссыда* (употреблять);

төрө, *төр'ө* (*дөрө*, *дөр'ө*) (повернувшись к); употребляется для указания объекта, если это лицо, или дательного лица при глаголах „говорить, спрашивать“: *абаним дөрө шрөтта* (попросил моего отца), *на дөрө* (или *нэ пого*, или *на антхе*, или *на анхе*, или *на тэхайя*, или *нэ-ге*) *ёк ханыя я* (неужели вы ругаете меня?); *кы сарам дөрө кидарира кко хайёра* (скажи ему, чтобы он подождал). Глагол *төрида*, видимо, ныне не употребляется, но его надо предполагать, если иметь в виду, что послелог сопоставим с японским *мукаттэ* от глагола *мукау*;

пүтхө, *пытхө*, также *пүтхөм*, *пытхөм* (в значении „из“): *илбон пүтхө* (из Японии), *ачхым пүтхө* (с утра); *төбырө* (держа в руках), от глагола *төбылда* (держат в руках); как послелог означает „вместе с (о лицах)“;

каджө имеет то же значение, что *каджиго*;
аолла (включая, с); от глагола *аорыда* (соединять);
аоро; в том же значении, что *аолла*;
ёвө (вокруг); от глагола *ёуда* (окружать): *ёвө ссаго сөссо* (стояли тесно вокруг);

кэйла, *кэрва* (вместе с; ср. монг. *qolba-*);
туллө (вокруг, около; от глагола *туруда* — окружать);
туру; в том же значении, что и *туллө*;
ккө (через);

көннө (через, на ту сторону); *ккө гөннө* (через); от глагола *көннөдә* (переходить через гору, реку);

чина (проходя через); от глагола *чинада* (проходить); как послелог означает „после“: *нэйл чина* (послезавтра), *сөүл чина* (проехав Сеул, после Сеула);

көсар'ө, көсыллө (против); от глагола *көсарида* (преступать, идти против);

нөмө (сверх, выше); от глагола *нөмдә* (переходить через);

нама (сверх); от глагола *намдә* (оставаться);

маджа (напротив); от глагола *матта* (встречать);

чочха (после, из, вследствие); от глагола *чотта* (преследовать, следовать за);

(*ква*) *мичхө* от глагола *митта* (достигать); как послелог означает „до“; форма *мит* означает „и“; ср. яп. *оёби*(и) от глагола *оёбу* (достигать);

поа от глагола *пода* (смотреть, видеть); как послелог означает „к, об, относительно“; также *пого, пода, подам: на пого мар хайётта* (он сказал мне), *и ил поа сэнгак хайётта* (он думал об этом деле);

малмэама (вследствие, по причине); от глагола *малмэамдә* (возникать из; вероятно, восходит к *малмэ* + глагол **амдә*).

танъхая (относительно);

инхая (по причине, вследствие);

вихая (для);

тэхая (относительно).

Последние четыре послелогоа представляют собой сочетание китайских слов (*танъ, ин, ви* < *уй, тэ* < *тай*) с глаголом *хада* в форме деепричастия прошедшего времени. Все остальные послелогои являются исконно корейскими.

г) послелогои на *-и*; единственным послелогом этого рода является *өпси* (без), сев.-кор. *өпко*.

НАРЕЧИЯ

286. В противоположность европейским языкам, где наречия имеют особые формальные признаки (в частности, те наречия, которые образованы от имен прилагательных), в корейском языке наречия не имеют таких признаков.

тельных), корейский язык с морфологической точки зрения не имеет ни наречий, ни прилагательных. С другой стороны, надо иметь в виду, что

1) все надежи имени (именительный, местный, творительный и ныне архаичный инструктивный), если они синтаксически относятся к последующему глаголу, функционируют как наречия-обстоятельства;

2) большинство слов, которые выше были определены как отымённые послелогии, могут употребляться самостоятельно, то есть без предшествующего им, сильно акцентированного имени существительного; в этом случае они относятся к глаголу и функционируют, таким образом, в качестве наречий;

3) все те глагольные образования, которые были названы нами деепричастиями, тяготеют к последующему главному глаголу и, таким образом, выступают по отношению к нему в качестве наречий-обстоятельств;

4) глагольные образования, которые оканчиваются на *-и* (окончание отглагольного имени и одновременно отглагольного наречия) и на *-о, -у* (окончание для производных имен, прилагательных и наречий), как и деепричастие будущего времени на *-хе*, выступают неизбежно как наречия; они образуются почти от любого качественного и активного глагола;

5) язык имеет большое число простых слов, которые функционируют как наречия, восходят к древним временам и имеют соответствия в родственных корейскому языках;

6) корейскому языку свойственна одна характерная особенность: изобилие так называемых ономатопоэтических слов самого различного рода. Такие слова или квазислова синтаксически являются наречиями-обстоятельствами, определяющими последующий глагол; когда такого глагола нет, то они соединяются с абстрактным глаголом *хада* (говорить, делать). Эти слова образуют особый класс, который будет рассмотрен нами ниже.

287. Наречия могут быть подразделены на следующие группы: наречия отрицательные, наречия места, наречия времени, наречия качественные, наречия количественные.

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ НАРЕЧИЯ

288. Отрицание в корейском языке относится к глаголу. В качестве отрицательных наречий употребляются: *ан, ани* (иногда пишется *анхи*);

мот (ср. *мб-* в *мо-джарада* — недостаточный, *мо-псыда* — невозможный, плохой и *моджилда* — плохой, дурной от *чарада* — быть достаточным, *ссыда* — употреблять, *вджилда*, сев.-кор. *вдир-* — быть добрым, быть хорошим).

Употребление этих наречий рассматривалось выше (см. п. 206 и 268).

Если отрицание относится к имени существительному, то обычно прибегают к китайским сложносоставным словам, начинающимся на *пул, пу, му, пи*: а) *пултэп хада* (незаконный), *пулман хада* (недовольный), *пуджирён хада* (прилежный), *пудонъ* (неодинаковый, не тот же самый); б) *муб'онъ хада* (здоровый), *мубэп* (беззаконие), *мумат* (безвкусный); в) *писынъ писок* (ни духовный, ни мирянин), *пиин* (нищий). Для этой же цели употребляются перифрастические конструкции с глаголом *энта* (отсутствовать, не быть).

Глагол *малда* (избегать) соответствует по содержанию отрицательному предложению; его употребление как средство выражения отрицательного повелительного (запрещения) рассматривалось нами выше.

НАРЕЧИЯ МЕСТА

289. В качестве наречий места обычно употребляются падежные формы имен существительных, в частности тех имен, которые имеют локальное значение и которые рассматривались нами выше как послеименные послелогои. Следует отметить, что в корейском языке употребление падежных окончаний очень часто оказывается ненужным; такой бессуффиксальный падеж, который является формально именительным, обычно и функционирует в качестве наречия: *вдэ* или *вдый* (какое место > где), *каондэ* (в середине; *каот* — середина). С другой стороны, такие слова, как *аре, арэ* (под, внизу), *оре, орэ* (давно),

являются на деле местными падежами (от *ал*, *ол*), которые ныне функционируют как именительные; ср. *орэган*, *орэкан* (долгое время), *арэчип* (дом внизу).

НАРЕЧИЯ ВРЕМЕНИ

290. В качестве наречий времени употребляются либо именительный, либо местный, реже инструктивный падеж. Слова, употребляемые как наречия времени, восходят к существительным с временной семантикой:

өндже — когда, *өндже-дөнджи* — всегда, в любое время,

илчык, *илчыги* (инструкт. п.) — рано,

ачхым, *ачхам* — утром, *ачхаме* (местный п.) — утром,

надже (местный п.) — днем,

наджу (им. п.) — после полудня,

пам (им. п.), *паме* (местн. п.) — ночью,

чөн'өк, *чөнөк* (им. п.) — вечером (*чө* — вниз, *н'өк* —

направление),

онал (им. п.) — сегодня (вероятно, *ол* — этот, *олтха* —

быть правым),

орхэ (им. п.) — этот год, в этом году (*хэ* — год),

өджөккый, *өджө* (им. п.) — вчера (*ккый*, *пкый* — время),

кыджөккый, *кыджө* (им. п.) — позавчера,

нэл, *м'өнбил* — завтра,

нэм'өнбил — послезавтра,

морэ (вероятно, местн. п.) — послезавтра,

кымн'өн — в этом году,

нэн'өн, *м'өнн'өн* — в следующем году,

чанн'өн — в прошлом году,

чэджанн'өн, *кырөккый* — в позапрошлом году,

кыгырөккый — три года тому назад,

ттэттэ, *ттэттэро* — иногда,

иптэ — в наше время, в наши дни, теперь,

чөптэ, *кыптэ* — тогда (*птэ*, *ттэ* — время),

кот (им. п.) — немедленно, тотчас,

акка — несколько минут тому назад, только что,

паяхыро (твор. п.) — тогда,

палсө, *полсө*, *пөлсө* — уже (*сө* — эссивная частица),

мөнджө — сперва; сев.-кор. *манджө*,

инджэ — теперь, *чигым* — теперь (ср. тунг. *tikin*),
мак — только что,
сибань — сейчас,
н'етхэ, й'етхэ — издавна (*н'ет* — древний, *хэ* — год),
орэ — давно, *орэккан* — долгое время, *орэджанэ* —
 не столь давно,
мири — заранее, загодя,
аджик — еще, *аджикани* — еще не, *аджиккот* — еще,
 до сих пор, доньше,
ттөк — как раз тогда,
ныл, ныру — обычно, постоянно,
сэро — снова, *сэрохи* — снова (*сэ* — новый, *сэропхи* —
 быть новым),
мачхым — как раз тогда,
маджамак — в конце концов,
ай (инструкт. п.) *ае* (местн. п.), *аие* (местн. п.) — вна-
 чале (*си* — время),
тыдэе (местн. п.), *тыдэе* — тогда,
таси — снова,
хыни (< *хынхи*), *тэгэ, тэдже* — обычно,
каккым, чаджо — часто,
хэнбён — обычно,
пөннэ — сначала,
пласань, ханьсань, чоньси — всегда,
кылынхи — через три дня,
кыгынхи — через четыре дня и т. д.

Следует также отметить некоторые глагольные обра-
 зования, как-то: *чакко, чакку'* (часто), *иттага, пинни*
 (вскоре), *тымуге* (редко) и т. д.

НАРЕЧИЯ КАЧЕСТВЕННЫЕ И МОДАЛЬНЫЕ

291. Под этой рубрикой объединяем два типа имен-
 ных образований от глагола: имена на *-и* и деепричастия
 будущего времени на *-ке*, которые образуются от каче-
 ственных глаголов и функционируют как наречные формы.

чал — хорошо, *чал мот* — нехорошо, плохо,
сви, свипке — легко,
ам — конечно,
амә — возможно,

хок — быть может, возможно,
манил — если, возможно,
кеу — едва,
чхархари — скорее,
тток — точно,
ккок — точно,
чхам — действительно,
синсилло, чинсилло — фактически,
вөнхи — охотно,
чөлло, чаөнхи, сисаро — само собой, естественно,
өсө, өллын, өлпхыт — живо,
п'өлло — отдельно, особо, специально,
төдэ, төдэге — медленно,
чокхи, чокхаге, нөнёнөкхи — довольно, достаточно,
чөкке, чөги — слегка,
талли, тарыге — отлично,
пхөк, тэданхи — очень,
пурө — намеренно,
чхинхи — лично,
көджө — даром, так,
н'өнджыси, согыро — тайком,
каманхи, каманхаге — тихо,
нынъхи — можно,
көджыси, көрыге — ложно,
часехи — тщательно,
чосимхи — предусмотрительно,
кынхи — вдруг,
пталли, птарыге, сокхи, палли, палпуге — быстро,
 живо,
пулгабул — волей-неволей,
өкчиро, чиөгыро — силой, насильно, принудительно,
мэу — очень,
оджик, оджйк — только.

НАРЕЧИЯ КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ

292. В эту рубрику входят отымённые образования на *-и, -ке, -о, -у* и, помимо этого, некоторые первичные наречия.

та — все,
тто — также, опять (ср. тунг. *hatama* — снова),
тө — более (в сложных словах также *төт*: *төм-мул* — вода надо льдом),
тө мөлли — дальше, *тө чарыге*, *тө чалли* — короче,
тө кхыда — больше,
төөк, *төук* — более, тем более,
тәл — менее, *тәл мөлли* — не так далеко,
манхи — много (от *мантха* — многочисленный),
чхэ — все, целиком,
чом, *чогом*, *чокком* — немного,
каджань — самый,
модо, *томоджи* — все (сев.-кор. *то*; ср. *мотта* — собирать),
сөро — друг друга, взаимно (от **сөлда* — взаимный),
холло, *хонджи* — один (сев.-кор. *хабуллу*, *хабунджа*,
от глагола *хабу-*, ср. *хан* — один),
нөму — очень, слишком,
ха, *хадо* — очень,
тымулге — редко (от *тымулда* — редкий),
аджо — совсем, совершенно, целиком, полностью,
квахи, *квахаге* — слишком,
көви, *көун-гөун* — почти.

Здесь же, быть может, надо упомянуть о таких образованиях, как *сөисө* (втроем), *нөисө* (вчетвером) и т. п. с эссивной частицей *сө* в их составе.

НЕИЗМЕНЯЕМЫЕ СЛОВА

293. Среди различного рода наречий мы уже встречали ряд слов, которые не имеют ни спряжения, ни склонения и которые не могут быть выведены из более простой по составу основы (например: *пхэк* — очень, *чал* — хорошо, *тө* — еще более, *ам* — конечно и т. д.). Нам остается рассмотреть еще три группы неизменяемых слов.

ЭНКЛИТИКИ

Энклитики — это небольшие по звуковому составу слова (большей частью из одного слога), которые непосредственно примыкают к предшествующему слову (и, как правило, не имеют собственного ударения). Эту группу слов можно было бы назвать просто частицами. Некоторые из них следуют только после имен, некоторые же присоединяются только к глаголу.

294. 1) Прежде всего необходимо отметить вопросительные частицы. Это *ка* (и ее варианты *ко*, *кэ*, диал. *к'е*, *ке*) и *я* (и ее варианты *ё*, *йи*, *и*), а также комбинация двух частиц — *кая* и *кай*. Мы уже рассматривали эти частицы, когда описывали вопросительные формы глагола. Интересно отметить, что вопросительные частицы корейского языка совпадают с вопросительными частицами японского и алтайских языков. Здесь, как например в японском, вопросительные частицы употребляются только в конце предложения и только после причастных форм глагола (см. выше, п. 150—154).

295. 2) Частица *чи*, сев.-кор. *ти*, употребляется после причастий как своего рода вопросительный знак; восходит, очевидно, к имени существительному со зна-

чением „вещь, факт“: *калланджи малланджи морыгессо* (я не знаю, ушел он или нет). О ее функциях см. п. 225.

296. 3) Связующая частица *ка* (произносится *га*) ныне употребляется только после подлежащего. Она, видимо, соответствует, с одной стороны, японской частице *га*, с другой стороны, гольдскому слову *ка* (но, и). До сих пор эта частица определялась как знак именительного падежа. Но, как мы показали, это вовсе не падеж. Ныне она употребляется после гласных основ в том же значении, что и частица *и* после согласных основ. Это *и*, как объяснено выше, восходит к местоимению третьего лица: *на-и манхын сарам* (пожилой человек; дословно: человек, которого его возраст большой).

297. 4) Частица *нын* была определена выше как эфатическая частица; ср. тунг. *нун* (если). Вариантом *нын* является *ын* (после согласных основ) и *нйн* (после гласных основ), а в некоторых диалектах *ынн* и *-н*. Функция этой частицы, которая присоединяется к особо подчеркнутым словам, стоящим в начале предложения, описана в главе, посвященной склонению. Эта же частица присоединяется к деепричастию настоящего времени и деепричастию прошедшего времени; она же входит как существенная часть в окончания *-м'он* (< *-м иө нын*) и *-кэдэн* (< *-хе идэ ныч*), которые являются формами условного и гипотетического деепричастий.

298. 5) Частица *то, до* (сев.-кор. *ту, ду*) (также, тоже), которую мы называли соединительной, соответствует частице *да, дэ* в тунгусских, монгольских и тюркских языках: *на до нө до* (и я и ты); *хана до өпсө* (нет никого; дословно: даже одного нет); *сибань ка до кы сарам-ыл маннал су өпсө* (вам не удастся встретиться с ним, если даже вы пойдете сейчас); *амори пои до морыгессо* (сколько ни гляжу, не понимаю).

299. 6) Частицы *а, я, ия* употребляются в начале предложения после имени существительного как знак

звательного падежа. Однако звательный падеж не включен нами в состав падежей корейского языка по той причине, что эта частица может присоединяться не только к основе имени существительного. Эта же частица употребляется в качестве выражения зова: *и сарам-а* (эй вы там!), *и ном-а* (эй ты там!). Весьма возможно, что та же частица *а* входит в состав той формы, которую мы назвали промиссивом (обещание); *-ма*, признак этой формы, распадается на суффикс глагольного имени *-м* и рассматриваемую частицу *а* (*чума* — я обещаю тебе дать, *мөгымā* — я обещаю съесть). Эту же частицу обнаруживаем в составе так называемого презентива (предупреждение) (форма *-ла*; например: *мөгыллэ* — смотри, не то он съест), деэпричастия допущения (где частица *а* присоединена к причастию прошедшего времени: *-а*) и косвенного повелительного (*мөгыра*).

300. 7) Частица *ра, ира* употребляется в конце предложения; служит указанием на то, что предложение закончено. Она встречается также в составе так называемой регрессивной формы (*хадэра* — он делает там, он делал тогда), а также после причастий (*ханьнира, ханнира, харира*). Ее же используют в подчеркнутом или невежливом повелительном наклонении (*хайэра* — делай! *поэра* — смотри! *иккэра* — будь! *кагэра* — иди!). Перед глаголом *хадл* (говорить) *ра, ира* служит указанием на то, что предшествующее ей слово является подлинным или собственным именованием вещи, выступая, таким образом, в качестве своего рода знака цитации: *нампу-ра ханын гэт* (то, что называется лампой); *Паг-ира ханын сарам* (человек, которого зовут Пак); *санхва-ра ханын гэс-ыл ури-га поджа-ра хао* (мы называем словом *поджа* (шапка) то, что они называют словом *санхва*). Эта же частица употребляется перед частицей *до*: *чохын ира до* (хотя это и хорошо), *калчи-ра до* (если даже он и пойдет). Частица *ра* соответствует турецкой частице *İa*.

301. 8) Частицы *ок, ук* употребляются в составе окончания *-тордж* (деэпричастия результата) и *суро* (см. в разделе послепричастных имен). Частицу *ок* можно вскрыть

в составе слов *төөк* (вдобавок, еще более), *пирок* (хотя), *тток* (как раз), *амо джорок* (по мере возможности, по возможности). Эта частица имеет соответствие в турецкой частице *oq, ök* (*bân-ök* — как раз я, *ol-oq* — как раз то) и означает, видимо, „как раз“.

302. 9) Сопоставляя особые изъявительные формы типа *хане* (делает), *чохе* (хороший), образованные от причастий на *-нын* и *-н*, с регрессивными формами на *-е* (*хаде, мөкте*, наряду с *хадера, мөктера*), обнаруживаем элемент *е*, который, видимо, является одним и тем же по своему значению. Возможно, что некогда это была частица *и*, которая употреблялась только в конце законченного предложения. Возможно, что она никогда не имела особого этимологического значения, являясь просто-напросто особого рода конечным звуком.

303. 10) То же самое надо сказать о гласном *у*, чередующемся с *е*, которое мы имеем в настоящем времени типа *хаму, хаме*, образованном от глагольного имени на *-м*. Если это *у* имеет какое-нибудь историческое значение, то его можно отождествить с гласным в составе монгольского настоящего времени на *-ми, -миі*.

304. 11) Частица *я* (только), которая в старых литературных памятниках пишется иногда *на*, иногда *са*, видимо, не тождественна с звательной частицей *я*: *хунн'өн-е-я олла кагетта* (он, видимо, поедет в столицу (из провинции) только в следующем году); *самг'өнъе-я чадера* (он лег спать только в третьем часу); *индже-я к'өгыриикко вассымнеда* (только теперь у меня нашлась свободная минута, и я пришел). Это же *я* находим после деепричастий настоящего и прошедшего времени (*-ко-я, -ко-с'ө-я, -а-я, -ас'ө-я*); после деепричастия настоящего времени это — подчеркивающая частица, а после деепричастия прошедшего времени это подчеркивание дает в конечном итоге значение долженствования: *сул мөккосө-я өтчи хагетта* (что только будет, если выпить вина!); *өттө хадөнджи* (или *өттөт хөнджи*) *ка-я хая* (что бы ни случилось, я должен идти), *поа-я алгенне* (только уви-

дав это, я пойму (в чем дело); я должен посмотреть это, чтобы понять). Это употребление частицы *я* в значении долженствования рассматривалось нами в параграфе, посвященном деепричастию прошедшего времени.

305. 12) Частица *с'ө* (или *сө*), которую мы назвали эссивной, является сокращением *ис'ө*—деепричастия прошедшего времени от глагола *исыда*, позже *исыда*, ныне *итта* (быть). Эта частица употребляется после некоторых падежей, после деепричастий настоящего и прошедшего времени и после окончания-*м'өн*.

306. 13) Частица *ссө* с инструментальным значением встречается после творительного падежа; по происхождению это деепричастие прошедшего времени от глагола „употреблять“: *ссыда* > *ссө* (употребляя).

307. 14) Частица *ко* (и ее варианты *кко*, *го*), которая употребляется после прямой речи, является древней формой местоимения *кы* (этот, тот): *онда го ханда* (говорит, что они придут); *чума кко хайэтта* (он обещал дать); *кара кко хайэра* (скажи ему, чтобы он шел) и т. д. Употребление этой частицы рассматривалось нами в разделах, посвященных косвенному повелительному, промиссиву (обещание) и дезидеративу (желание).

308. 15) Наконец, надо выделить еще частицу *на*, которая употребляется для выражения удивления, восхищения, иногда также как знак уверенности в конце предложения: *чокхо на* (это действительно хорошо), *чхам*, *мал чал хаго на* (он в самом деле говорит хорошо). Эта частица употребляется главным образом после деепричастия настоящего времени, иногда даже без гласного *а*: *хагон*, *иккон*; само деепричастие оканчивается в этом случае часто не на *ко*, а на *ку*: *хагуна*, *хагун*. Если *кон* или *кун* употребляется после причастия прошедшего времени (*чохынгун*), то его надо понимать как сокращение глагола *ида* (быть): *чохынгун* вместо *чохын игон*.

МЕЖДОМЕТИЯ

309. Почти невозможно перечислить все те восклицательные словечки, которые корейцы употребляют в начале предложения; не менее трудно определить и смысл этих междометных слов. Наиболее распространенными междометиями являются: *а* (ах!); *атта* (вместо более полного *а-итта*), *атча* (из *а-хаджа*), *апта*, *аптана* (из *а-итта*), *ая*, *аи*, *ауго*, *эго*, *эгона* (о!); *о*, *оха*, *оя* (восклицание страха), *а*, *е* (восклицание удивления), *ча*, *че* (да, ладно), *йё*, *нйё*, *онйё*, *оня*, (да, конечно), *йе* (вот) и т. д.

310. Помимо этих междометий есть еще ряд выражений для различных чувств, выражений, которые своим внешним видом более напоминают слова, чем приведенные выше звуки:

чхам — действительно, в самом деле, *ха чхам* — с тем же значением.

кылсө — да, в самом деле, так,

ани — нет,

өлса — как прекрасно,

өгё — как ужасно,

пудэ, *пуды* — непременно,

ауго, *чхивөра* — о, как холодно!

оня, *кекчөнъ мара* — о, не беспокойтесь об этом,

аптана, *кы сарам* — ах, что за человек! ах, ну и человек!

атта, *кы сарам чхам мар-ыл чал хагона* — о, как он здорово говорит,

хөө, *кы ямбанъ-и торагаттс-я мар-но* — гм, так вы говорите, что он умер?

атчха, *чал мот хайөккона* — о боже, ведь я же ошибся!

ОНОМАТОПОЭТИЧЕСКИЕ СЛОВА

311. В корейском языке весьма распространено использование звуков в целях звукоподражания. Такие образования не ограничиваются собственно звукоподражаниями; в звуках воспроизводятся не только реально

существующие звучания, но различного рода движения, положения и т. д. Такие звуковые комплексы имеют определенный фонетический облик: они, как правило, являются редуцированными образованиями; синтаксически они употребляются как обстоятельства-наречия к последующему глаголу-сказуемому. Они состоят из одного или двух слогов, редко из трех. В некоторых односложных ономатопоэтических словах можно вскрыть их источник: либо китайское слово, либо одну из форм корейского глагола. Но вряд ли можно найти какую-либо связь между двусложным ономатопоэтическим словом и каким-нибудь изменяемым словом корейского языка, будь то глагол или прилагательное. От самих ономатопоэтических слов может быть образован глагол; это достигается присоединением к нему окончаний *-кхрида*, *-кида*, *-тэда*. Вот некоторые примеры подобного рода наречий:

сугын сугын хада — говорить на манер „сугын сугын“, то есть шептать, говорить по секрету,

пхалланъ пхалланъ хада — делать (двигаться) на манер „пхалланъ пхалланъ“, то есть колыхаться, развеваться,

талланъ далланъ хадс — делать (в данном случае идти) на манер „талланъ далланъ“, то есть идти мелкими шагами, семенить,

чугыл чугыл хада — быть (иметь вид) „чугыл чугыл“, то есть быть в морщинах, быть сморщенным,

кыкчөк кыкчөк хада — делать (производить действие) на манер „кыкчөк кыкчөк“, то есть скрести, царапать,

чачхум чачхум хада — производить действие на манер „чачхум чачхум“, то есть хромать,

акчак акчак хада — быть (иметь вид) „акчак акчак“, то есть быть густо покрытым рябинами,

кхоллок кхоллок хада — производить действие на манер „кхоллок кхоллок“, то есть кашлять,

ттан ттан хада — твердый, крепкий,

сөндыл сөндыл хада — свежий, прохладный,

Примечание. Следует обратить внимание на то, что удвоение может играть в корейском языке и другую роль; например, *чин чиб-и* (каждый дом, в каждом доме), *нал нар-и* (каждый день, еже-

дневно; *нанри* — с тем же значением; *тал дар-и* (ежемесячно, каждый месяц); *хэ хэ-и* (ежегодно, каждый год) и т. д. Окончание *-и* в этих редупликациях представляет собой древний инструктивный падеж.

Вот несколько примеров предложений с оноματοпоэтическими словами в их составе:

пам-и тѳм'ѳн п'ѳр-и панджак панджак хао (наступает ночь, и звезды начинают делать „панджак панджак“, то есть: наступает ночь, и начинают мерцать звезды);

парам-и пуникка, намуккытчи хыйчханъ хыйчханъ хадѳра (подул ветер, и ветки деревьев начали делать „хыйчханъ хыйчханъ“, то есть: подул ветер, и ветки деревьев начали качаться взад и вперед).

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

312. Имена существительные, если это не простые корни, являются либо производными, либо сложносо-
ставными. Иной раз бывает довольно легко выделить первоначальные компоненты таких сложных имен. Но так как в ряде случаев имели место фонетические изменения, то часто бывает трудно определить, каким образом в языке образовалось то или иное слово; имеем ли мы дело со сложносо-
ставным или с производным именем. Чтобы дать надежный обзор корейского словообразования, потребовалось бы специальное исследование. Все же в качестве предварительного введения к такому исследованию нижеследующее может представить некоторый интерес.

ИМЕНА С СУФФИКСАМИ

313. К отглагольным именам на *-ки, -м, -и, -о* (или *-у*) мы можем прибавить еще ряд образований с различными окончаниями. Все же, поскольку те же самые окончания встречаются в именах, не произведенных от глагола, почти невозможно с достоверностью определить, является ли производящая основа именем или глаголом. Вот почему отыменные и отглагольные имена даны нами ниже вместе.

314. 1) *-ак, -ок, -к: тхэл-, тхөр-, тхөрөк* (волос; *янъ тхөри, янъ тхөрөги, янъ тхөлги* — овечья шерсть); *ттыл, ттырөк* (двор); *ка* (край, берег), *каак хада* (граничить с); *нал* (сырой), *нарак* (необрушенный рис); *тол, торок* (камень); *толджэ, толджэяк* (маленький камень, камушек); *көмөк* (чернота; от *көмда* — черный); *кирөк, кирөкчи, кири* (длина; от *килда* — длинный); *нөлөкчи* (ширина; от *нөлта* — широкий); *нөбөк* (плоская поверхность; от *нөпта* — плоский); *пусөкчи, пусырөк, пусырөги, пусырөкчи* (крошки, опилки; от *пусида* — раздроблять,

крошить); *пирөк-чир хада* (просить милостыню), *пирөк-чанъи* (нищий; от *пилда* — просить); *карак*, *каракчи* (кольцо); *сак* (цена; от *сада* — покупать); *чхак* (крепко, твердо; от *чхада* — схватить крепко, *чхагада* — арестовать).

Возможно, что сюда же следует причислить *сзак* (молодая (женщина); от *сэ* — новый); *анак* (жена), *анакне* (*ананъне*) (жена; от *ан* — нутро, внутри); *анкхан* (внутренняя комната, но также — жена). В слове *мурып*, *мурыпхак* (колени) трудно объяснить гласный; слово это является, видимо, сложносоставным именем, так же как *ниманхак* (= *нима*, *нимэ*, *ниманъи*) (лоб). Окончание *-ак* кажется несомненным в *ччарым*, *ччарымак* (короткое; от *ччарыда* — короткий); *пусырөм*, *пусылмөк* (нарыв).

315. 2) *-кэ* (*-ке*), *-э* (*-е*): *налгэ*, *наллэ* (крыло; от *налда* — летать); *толгэ* (вихрь; от *толда* — вращаться); *ссагэ* (обертка; от *ссада* — завертывать); *п'өгэ* (подушка; от *п'өда* — прислонить голову к); *ссыге* (покрывало, вуаль; от *ссыда* — покрывать голову); *чиге* (рогульки, приспособление для переноса груза на спине; от *чида* — нести на спине); *чипке* (щипцы; от *чипта* — зажимать между чем-либо); *төнке* (покрывало; от *төпна* — покрывать).

карэ или *калгэ* (заступ; от *калда* — рыть); *карэ* (жернов; от *калда* — толочь, перемалывать); *каллэ* (ветвь семьи; от *карыда* — делить); *магэ* (пробка, затычка; от *макта* — затыкать); *куре*, *кулле* (узда; от *кулда* — обращаться с кем-либо); *ппаллэ*, *ппалгэ* (белье (в стирке); от *ппалда* — стирать); *ссыре*, *ссырөгги* (пыль; от *ссылда* — мести, подметать); *норэ* (песнь), *нори* (игра), *норым* (развлечение; от *нолда* — развлекаться); *сорэ*, *сори* (звук) и т. д.

Аналогом этого рода отглагольных имен, видимо, являются *кол*, *корэ* (долина) и *йөрым*, *йөрымэ*, *йөлмэ* (фрукт, плод), где окончание *-э* (первоначально *-аи*) явно присоединено к имени.

316. 3) *-чи*. Это окончание, видимо, образует отыменные слова: *кирекчи*, *нөлбөкчи*, *пусырөкчи* и т. д. (см.

выше); *абаджи*, *абаним*, *абэ*, *аби* (отец); *өмөджи*, *өмө-ним*, *өми* (мать); *агунъи*, *агунъджи* (очаг); *паджи* (штаны; ср. гольдское ра—штаны); *пөлги*, *пөлге*, *пөлгөджи*, *пөрөджи*, *пөлгэнъи* (насекомое); *ягэ*, *ягаджи* (затылок).

317. 4) -аджи. Это окончание является уменьшительным, например, в словах *кэаджи* (щенок; от *кэ* — собака); *соаджи* (теленок; от *со* — корова); *мааджи* (жеребенок; от *мал* — лошадь); *тояджи* (свинья); *могаджи*, *мок* (шея); *сон-могаджи*, *сон-мок* (запястье); *пагаджи* (половинка тыквы (как посуда); от *пак* — тыква); *мугөджи*, *муги*, *мукчи* (остатки; от *мукта* — оставаться, стоять); *нанъттөрөджи* (пропасть; от *ттолда* — падать); *намаджи* (остатки; *намда* — оставаться).

Возможно, что окончания *-чи* и *-аджи* имеют одинаковое происхождение; но столь же возможно, что в *абаджи*, *өмөджи* мы имеем первоначальное *-чи*, а в других словах первоначальное *-ади*, *-ди*.

318. 5) -ари, -өри, -ги. Гласные этого окончания варьируются в зависимости от гласного основы; *-ри* следует после основы на гласный. Этот способ образования, как кажется, предпочитается для обозначения конкретных вещей. Например, *тхөк*, *тхөгөри* (подбородок); *тынъ*, *тынъөри* (спина); *понъ*, *понъари* (*понъори*) (голова, верх); *төнъ*, *төнъөри* (кусок, ком); *хыктөнъи*, *хыктөнъэри* (кусок, ком земли); *муги*, *мугөри* (отруби); *митхөри* (сандалии; от *митхе* — под); *толманъи*, *толманъари* (булыжник); *ханъ*, *ханъари* (кувшин); *ток*, *тогури*, *токкури* (горшок); *падари* (шмель; ср. монг. *batagana* — муха); *садари*, *садактари* (ступеньки; ср. монг. *šatu* — лестница); *тотхори* (желудь; *тотх* — свинья?); *сонъи*, *сонъори* (кисть, гроздь); *тагари*, *тэгари*, *тэгэ* (голова [зарезанного животного]); *мөгури* (съедобная лягушка; от *мөкта* [есть]); *мунъи*, *мунъури*, *мунъөри*, *мунъчи* (круглая вещь); *тхенъ* (пустой); *тхенъөри* (ширь; ср. турецк. *tārijiz* — океан, море); *тан* (один), *танъари* (отдельная вещь, штука); *чокту*, *чоктури* (род шляпы); *агури* (рот) и **ак* в *акпури* (рыло; *пури* — нос; ср. турецк. *aguz* — рот); *куи*, *куири* (овес) и т. д.

319. Здесь мы, таким образом, имеем дело с *кәри* (вещь), производным от *кәс* — вероятно, более ранним *кәсәри*, *кәхәри*. Это слово, как кажется, часто употребляется как окончание, и мы вернемся к нему дальше, в разделе, посвященном сложносоставным словам (п. 332).

Комбинацию старых окончаний **ди* и *-әри* можно предполагать в словах *тынъдәри* (спина) и *понъдәри* (голова, вершина).

320. 6) *-анъ*, *-әнъ*. Отглагольными образованиями являются: *нийәнъ* (соломенная кровля; от *нитта* || *нийө* || *ниын* — располагать друг возле друга); *нипх'әнъ* (платье, одежда; от *нипхида* — одевать). Возможно, что эти же окончания имеются и в сев.-кор. *пирәнъ*, *пирәнъгуре* (нищий), *пирәнъбанъи* (нищий).

От имен произведены: сев.-кор. *кодянъ* (место; ср. *кот*, *код-и* — место); *кәмд'әнъ* (темнота; ср. *кәмда* — черный). На диалектальной основе имеет место расхождение между сев.-кор. *наранъ* (страна), *ттанъ* (земля), *паданъ* (море), *маданъ* (каждый) и т. д. и юж.-кор. *нара*, *тта*, *пада*, *мада*. Это, как кажется, позволяет заключить, что среди слов с долгим конечным гласным могут быть такие, долгота гласного которых объясняется абсорбцией окончания.

321. 7) *-анъи*, *-әнъи*: *кури*, *курәнъи* (змея); *кои*, *коя*, *копя*, *коянъи* (кошка); *ттыккэ*, *ттыкканъи* (куски материи для окраски; от *ттытта* || *ттырө* || *ттырын* — рвать на куски); *патханъи* (кувшин); *нурәнъи* (желтая собака; от *нуруда* — желтый); *нима*, *ниманъи* (лоб); *палганъи* (каarp; ср. турецк. *balıq* — рыба).

322. 8) *-аги*, *-әги*. Это окончание выделяется с трудом, поскольку *-а* и *-ә* могут быть признаком вторичной основы, и, таким образом, окончанием окажется только *-ги*; с другой стороны, *-и* может быть окончанием-детерминативом, и тогда реальным суффиксом окажется *-ак*, *-әк*. *Ссыреги* (пыль), *ссыре* (пыль; от *ссылда* — мести); *ниаги* (рассказ) (?*нида* || *нийө* || *нин* — связывать, продолжать); *ораги* (нитка ткани; ср. *ол* — нитка основы); *ппиги*, *ппи-рәги* (почки камыша); *миккури*, *миккураджи*, *миккураги*,

миккурэнъи (минога); *мочхори, мочхораги* (перепел); *наму, намо, намак, намаккаги* (дерево).

323. 9) *-ги*. Это окончание глагольного имени, как кажется, употребляется и для образования конкретных существительных. *Поги* (пример, образец; от *пода* — видеть); *наги* (уроженец), *сәул-лаги* (уроженец Сеула); *мурыпчиги* (одежда до колен; от *чуда* — падать); сев.-кор. *цхыги-цхэ*, юж.-кор. *чхе, чх'е* (сито); *чараги* (взрослый; от *чарада* — расти); *нэги хада* (держат пари; от *нэда* — выпускать).

324. 10) *-ами, өми, -ми*. Отглагольными образованиями являются *ккурөми, ккури* (соломенная обертка; от *ккурйда* — обертывать); *өлгөми, өлмөнъи* (грубое сито; ср. турецк. *algak* — сито). Возможно, что сюда же относятся *мөлми* (морская болезнь), *пилми* (причина, основание), *нарами* (длина; от *налда* — бежать вдоль).

325. 11) *-ттэ, -тэ: х'е*, сев.-кор. *шө, шөттэ* (язык); *пэ, пэттэ* (живот); *тынь, тыньтэ* (спина); *чө, че, чөттэ, четтэ* (начало). Окончание это абсолютно непонятно; возможно, что здесь мы имеем дело с сокращенным сложносоставным словом; в живой речи можно слышать и *пэттэ* и *пэттэги*; *коктэ* и *коктэги* (гора) (см. ниже *тхак* — в разделе о сложносоставных словах).

326. 12) *-гак*. „Косить“ по-севернокорейски *пыда* или *пыгак-чир хада*; отсюда *пыгөк* со значением „сери“, где можно усмотреть окончание *-гак*. Вторым примером на это окончание может быть, видимо, слово *чугөк* (рисовый черпак, которым вычерпывают рис из котла; ср. *чуда* — давать).

327. 13) *-и*. В п. 239 мы уже рассматривали среди имен, производных от глагола с помощью окончания *-и*, имена действия, имена результата действия и т. д. Вот некоторые дополнительные примеры: *сари (сарым)* (жизнь); *чаби* (ручка; *чапта* — брать); *чхаи, чхэ (ап-чхэ* — переднее место в двухместном портшезе); *тви-чхэ* (задние ручки

портшеза); ср. *чхада* (схватить крепко); целый ряд образований на *-и* от имен, обозначающих членов семьи, имеет уменьшительный характер: *эмѳджи*, *ѳми* (мама, мамочка), *аби*, сев.-кор. *абэ* (< *аба-и*) (папа), *адж-аби*, *аджи* (дядя), *ѳи* (самка животных), уменьшительные этого рода известны и другим алтайским языкам.

328. 14) *-кки* (? *-ски* или ? *-тки*). Это окончание не совсем ясно в силу незначительного числа примеров: *сэкки* (детеныш животного; ср. *сэ* — новый), *тхокки* (заяц), *токки* (топор; вероятно от *тол* — камень, молоток); согласно мнению проф. Огура, „топор“ фактически называется *тол* и *ток*, как показывают некоторые диалекты.

329. 15) *-ым* как окончание находим в *тѳым* (излишек; от *тѳ* — более), *чхѳым* (начало, вначале; *чхѳ*, *чхѳт* — первый).

330. 16) *-т* (восходит к *-с* и *-т*). От многих качественных глаголов образуется производное слово с помощью *-с* (орфографического); такое образование обычно сопровождается глаголом *хада*: *пулгыт-пулгыт хада* (красноватый), *хыйт-хыйт хада* (беловатый), *нурут-нурут хада* (желтоватый), *ттыт-ттыт хада* (жаркий), *кэт-кэт хада* (чистый). Здесь суффиксом является **с*; тот же самый суффикс, видимо, имеется в составе таких образований, как *пулгысырѳпта*, *хыйсырѳпта* и т. д., где окончание *-р-оп-* является признаком вторичной глагольной основы. Этому *-с* соответствуют тунгусские глаголы на *-sse-*: *bu-* (умереть), но *busse-* (быть смертельно больным), и монгольские отглагольные имена на *-s*. Тунгусское окончание *-sse-* содержит два элемента: окончание *-s* и глагол *се-*, который употребляется самостоятельно в маньчжурском и по смыслу и по этимологии тождественен корейскому *хада* (делать, говорить) (< *хѳ* = < **сѳ*).

Кроме этого *-т* (восходящего к *-с*), есть еще другое окончание *-т*, которое находим в таких образованиях, как *тѳт* (второй, седым больше; от *тѳ* — более; ср. монг. *det* — заместитель в титулах); *чхѳт* (первый); *хѳт* (бес-

полезная, ненужная вещь; тоже *хөт-көт*; ср. *хө* — попусту) и т. д. Остается, однако, неясным, является ли здесь действительно окончание *-т* или же это на самом деле *-с* или что-нибудь в этом роде.

331. 17) *-ый, -уй*. Это окончание можно предполагать в таких словах, как *набий, набунъи* (бабочка); *чу, чудый, чудунъи* (рыло [животных], морда); *хоми, хомый, хомэнъи* (мотыга); *агуи, агый* (крепость — например, яда, напитка); ср. турецк. *агу*, монг. *аг* с тем же значением. Трудно сказать без специального исследования, является ли это *-ый, уй* особым окончанием или же сокращением (так, например, *чудунъи* могло быть сокращено в *чудый*).

ОБРАЗОВАНИЕ ИМЕН

332. В корейском языке есть одна особенность, которая отличает его от всех родственньих ему языков. Эта особенность состоит в большой склонности корейского языка к именному словообразованию. Весьма возможно, что это является результатом влияния китайского языка. В ряде случаев это явление восходит к весьма глубокой древности. Почти невозможно перечислить все те возможности, которыми в этом отношении обладает корейский язык. Ниже могут быть приведены только некоторые случаи образования имен; мы взяли такие примеры, в которых вторая часть легко прослеживается в семантическом отношении, являясь генетически особым словом.

1) *-хый*, своего рода признак множественного числа: *нө* (ты), *нөхый* (вы); *чө* (тот), *чөхый* (те, они); *а* (дитя, ребенок), *ахый*, *ахэ* (дети, но также ребенок).

2) *-ча* (кит.) (лицо, персона): *пуджа* (богач), *кыджа* (он) и т. д. См. послепричастные имена (п. 225).

3) *-чанъ, -чанъи* (кит.), очень часто употребляемое окончание для выражения профессии, занятия: *нот* (бронза), *нотчанъи* (бронзовый мастер); *син* (обувь), *синджанъи* (сапожник); *чил-кырыт* (глиняная посуда), *чилкырытчанъи* (горшечник); *там* (стена), *тамджанъи* (штукатур), *тэджанъи, тэджанъджанъи* (кузнец); *квимөги*

(немой), *квимөгөри* или *квимөкчанъи* (немой); *тынъгон* (горб), *тынъгончанъи* (горбун); *көп* (страх), *көпчанъи* или *көпчанъ* (трус, робкий); это же слово попало из китайского в тюркские, где мы имеем *söz* (слово), *sözçäy* (оратор).

4) *ним* (кит.?), употребляется после имен и титулований уважаемых лиц: *абаним* (отец), *өмөним* (мать), *х'өнъним* (старший брат), *сон*, *сонним* (гость), *сөнсәнъ*, *сөнсәнъним* (учитель, господин). В повседневной речи это *ним* очень часто сокращается в *-ни* (*абани*, *өмөни*) и даже в *н* (*абан*, *өмөн*).

5) *-ном*, употребляется в презрительном смысле: *тоджөк* (вор), *тоджөнъном* (вор [презрительно]).

6) *-кун* (кит.), употребляется для обозначения лица, занимающегося той или иной деятельностью: *ил* (работа), *илгун* (рабочий); *норым* (игра), *норымгун* (игрок); не смешивать с *-кун* в значении „правитель“.

Для обозначения лиц, занимающихся той или иной деятельностью, служит также *-су* (рука): *моксу* (плотник).

7) *-курөги*, суффикс с презрительным содержанием: *тон* (деньги), *тонгурөги* (любитель денег); *пал* (пища), *паккурөги* (любитель поесть).

8) *-панъ* (комната) и *-панъ* (бедный человек), оба слова китайского происхождения; с ними связано окончание *-панъи*: *сөбанъ* (господин; например, *Ким-сөбанъ* — господин Ким); *анджынбанъи* (хромой), *алланъбанъи* (льстец), *пирөнъбанъи* (нищий; от *пилда* — просить, выпрашивать).

9) *патчи* (актер): *норымбатчи*, *норымбанъи* (клоун), *норымджанъи*, *норымгун* (игрок; *нолда* — играть).

10) *не*, **наи* (человек), старое слово; ныне вместо него употребляется *сарам*; в качестве пережитка можно обнаружить в сложных словах, особенно часто в качестве знака множественного числа: *пумо* (родители), *пумоне* — в том же значении; *н'өпх'өнне* (женщина), *нампх'өнне* (мужчина; *нам* — мужчина, *н'ө* — женщина, *пх'өн* — сторона), *танъсин* (вы), *танъсинне* — в том же значении; *сарамдылле*, *сарамнедыл* (люди) (см. п. 82).

11) *качхи* (цена, стоимость), большею частью произносится *-атчхи*: *сипчөн-атчхи* (стоимостью в десять сен), *илеөн-атчхи* (стоимостью в одну вону).

Есть еще окончание *-ачхи*, которое могло первоначально быть последним членом сложносоставного слова; ныне оно означает лицо, занимающее определенный пост или должность.

12) *-кан* (кит.) (комната, промежуток, интервал, период времени): *апкан* (передняя комната), *твйккан* (уборная), *имсөккан* (столовая), *анккан*, *анкхан* (внутренняя комната, женщина), *сиган* (период в один час), *орэккан* (давно, долгое время).

13) *-көри* (вещь; из *көс*; см. п. 319). Очень часто употребляется в составе конкретных имен: *амсу* (обман), *амсүгөри* (обман, надувательство), *сипчөн* (десять сен), *сипчөнгөри* (штука в десять сен), то есть просто „десять сен“ или нечто, стоящее десять сен.

Это *көри* не надо путать с *көри* (дорога) в составе таких слов, как *тугөри* (перекресток; *ту* — два), *самгөри* (перекресток; *сам* — три) и т. д. Это *көри* связано с глаголом *көттә* (|| *көрө* || *көрын* — шагать, идти пешком). Точно так же не следует смешивать и с *көри* в значении „шнурки, подвески“: *анг'өнгөри* (шнурки, тесемки у очков; от *анг'өнг* — очки), *оккөри* (из *ос-көри* — шест для белья; *ос* — платье). Это *көри* восходит к *көлда* || *көрө* || *көн* — (вешать).

14) *-чхэ* (размер) (см. п. 327): *чипчхэ* (такой же большой, как дом; размером с дом; то же *чипчхэ катта*); это *чхэ* очень часто употребляется с глаголом *катта* || *катха* || *катхын* (быть схожим, быть подобным) и, видимо, соответствует монгольскому окончанию *-цай*, турецкому *-ча*, которые имеют то же значение.

15) *-тхак, так* (вершина): *малло, малланьи, маллотхаги* (гребень горы), *ккок, ккоктаги* (вершина горы) и т. д.

16) *-ча*, старое слово, которое, видимо, имело значение „условие, состояние“: *кыджө* (так, как есть; просто; даром), *хонджа*, сев.-кор. *хабундза* (один) и т. д.

17) *-рань, -раньи* (кит. *лан*) (зверь); встречаем во многих названиях животных: *хо* (кит.), *хораньи* (тигр), *сырөнь, сырөньи* (волк) и т. д., быть может, так же *хвараньи* (колдун). С этим надо связать окончания *-лар, -лан* таких турецких слов, как *arsalan* (лев), *qablan* (тигр), *sirtlan* (гиена) и т. д.

18) *-чил* (дело): *паныл* (игла), *паныджил* (шитье), *паныджил хада* (шить); *но* (весло), *ноджил* (гребля), *ноджил хада* (грести), *пыда*, *пыгакчил хада* (косить); *мәл* (слово) *малчил хада*, *мәчил хада* (сплетничать); *ппаллэ* (белье), *ппалэджил* (стирка), *ппаллэджил хада*, *ппалда* (стирать); *ёк* (брань), *ёкчил хада* (бранить, распекать) и т. д.

Это *чил* может означать не только работу, занятие, но также исполнителя работы и, таким образом, отождествляется, как кажется, с турецким окончанием *çil* в *ikçil*, *igçil* (увечный, инвалид), *sözçil* (клеветник) и т. д.

19) *төнъи*, *төнъори* (куча, груда): *хылктөнъи*, *тлпаныбдөнъи* (комок земли), *паптөнъи* (комок риса).

20) *манъи*, *манъари* (шарик, круглая вещь): *ал* (яйцо), *алманъи* в том же значении, *алманъбдөнъи* в том же значении; *нун* (глаз), *нунал*, *нуналманъи* (глазное яблоко); *тол* (камень), *толманъи* (булыжник).

21) *көт* (*көс*) (вещь). Это слово, как кажется, имеет значение окончания для образования конкретных имен: *су* (самец), *ам* (самка), *сукхөт* (самец), *амкхөт* (самка); *сөккин* (смешанный), *сөккингөт* (смесь); *хө* (пустой), *хөккөт* (пустяк, нечто ничего не стоящее). Это слово употребляется после причастий всех времен не только для обозначения предмета как объекта или результата действия, но и для обозначения самого действия. Здесь намечается некоторая параллель английскому окончанию *ing*: *пат канын гөт*, *пат кал көт*, *паккалкөт* (обработка земли); *чамкан чанын гөт*, *чамкан джангөт* (дремота); *ани халсу өмнын гөт* (необходимость) и т. д. Относительно употребления этого слова см. „Послепричастные имена“ (п. 225).

СТРУКТУРА ПРЕДЛОЖЕНИЯ

333. Простое предложение. Наиболее важной частью корейского предложения является сказуемое. Глаголы, как мы выяснили выше, делятся на две категории: глаголы действия, соответствующие тому, что называется глаголом в наших языках, и глаголы, названные нами качественными, которые соответствуют прилагательным наших языков.

Корейское предложение, если оно только не является восклицанием или ответом на вопрос в виде одного простого слова, является законченным при наличии всего лишь одного глагола-предиката: *канда* (он идет, они идут, я иду, мы идем), *палкта* (светло), *сарам ида* (это) человек есть). Отсутствие подлежащего, как кажется, не представляет никаких неудобств для корейца, и такие понятия, как „он, она, оно“ и т. п., как правило, вовсе не выражаются грамматически.

Если подлежащее выражено, то оно занимает первое место в предложении и воспринимается как ограничивающее в той или иной мере действие или качество. Если из контекста ясно, о ком или о чем идет речь, то подлежащее опускается.

Действие может быть ограничено многими путями; отсюда возможность в предложении как подлежащего, так и дополнения, одновременно относящихся к одному и тому же глаголу и ограничивающих, полагающих предел идее, выраженной сказуемым. Далее, действие может быть ограничено относительно сферы своего применения словами, которые являются обстоятельствами места и времени. В этом случае мы говорим о наречии, если такое имеющее ограничительную функцию слово является именем, и о деепричастии, если это с ограничительной функцией слово является глаголом. Все эти слова — ограничители сферы применения сказуемого, — начиная с

подлежащего и кончая наречиями времени и объектами в дательном и винительном падежах, занимают место перед глаголом, который и оказывается последним членом предложения.

Таким образом, порядок слов в обычном предложении таков: подлежащее, наречие времени или места, объект в дательном, объект в винительном, деепричастие, главный глагол, или сказуемое (о возможных вариантах этой схемы см. ниже).

334. Имена и их атрибуты. Как и в других языках, имена существительные могут быть в предложении подлежащим, дополнением, обстоятельствами места и времени, то есть самым различным образом ограничивать действие, выраженное глаголом. Само же имя ограничивается определениями. Если в предложении есть ряд определений, относящихся к одному и тому же имени, то они располагаются в логическом порядке, так что наиболее узкое по значению является первым по порядку; например, эти три молодые черные лошади. Логический порядок строго сохраняется в корейском языке. Мы можем, таким образом, сказать, пользуясь привычными понятиями нашей грамматики, что, как общее правило, управляющее слово следует за управляемым, что имена следуют за прилагательными, которыми они управляют, и что все предложение управляется глаголом, который занимает последнее место в предложении. Логически нет существенной разницы между прилагательным как определением к существительному и теми отношениями, которые существуют между первой и второй частью сложного существительного. Что касается формальных изменений слова, то падежные окончания и частицы присоединяются только к имени, а не к определению; иными словами, корейскому языку неизвестно согласование между определением и определяемым.

То, что было нами выше названо именным послелогом, на деле является словом с весьма абстрактной идеей места (под, в, на, около, рядом и т. д.); синтаксически такое слово управляет предшествующим ему именем.

335. Ориентация. В отличие от обычного корейского предложения с обычным порядком слов, когда наречия места и времени, как правило, занимают место после подлежащего, но перед дополнением, есть ряд случаев, когда наречия места и времени (а также некоторые другие наречия) занимают первое место в предложении; такое изменение порядка более наглядно связывает содержание предложения с окружающей ситуацией или контекстом. Такое „преждевременное“ употребление наречия вполне обычно для повседневной речи, но по мере возможности избегается в письменном языке. Вполне понятно, что такое предварение всего предложения обстоятельственными словами места и времени объясняется желанием говорящего по возможности заранее ориентировать в обстановке мысль собеседника. Поэтому такие предложения с порядком слов, отклоняющимся от нормального, можно назвать предложениями ориентации или предложениями с ориентацией.

336. Дополнительные коррективы. Корейское предложение завершается глаголом. Все же иногда в повседневной речи говорящий может обнаружить, что он пропустил то или иное слово; в этом случае пропущенное слово может быть вставлено в предложение после глагола, но при этом с обязательным условием: интонация его отличается от нормальной. Например: *сарам-и канда* (идет человек) или просто *канда* (идет); если в последнем случае *канда* оказывается непонятным и говорящий стремится исправить упущение немедленно, то он может тут же прибавить *сарам*, сказав, таким образом, *канда, сарам-и* вместо нормального *сарам-и канда*. Такое нарушение порядка слов решительно избегается в письменной речи.

337. Дополнение в винительном падеже. Винительный падеж употребляется в том случае, если сфера действия, выраженного глаголом, ограничивается объектом, приуроченным к определенному случаю, так сказать, специально лимитирующим это действие. Винительный падеж имеет более свободное положение в пред-

ложении по сравнению с прочими ограничителями сказуемого. Винительный может предшествовать дательному, может следовать за дательным; а в некоторых случаях винительный падеж может даже занимать первое место в предложении, подобно наречию. Все же объект переходного глагола часто столь тесно связан в мысли с глаголом, что он непосредственно предшествует ему; в этом случае он лишен окончания.

338. Прямая и не прямая речь. Одно предложение может быть объектом другого предложения. В этом случае отношение не имеет специального выражения. Из этого следует, что в корейском языке отсутствует разница между прямой и не прямой речью. Для того чтобы подчеркнуть, что предшествующее является высказыванием другого лица, употребляется частица *ко* (*го*, *кко*): *ир ханда* (работает), но *ир ханда хао* или *ир ханда го хао* (он говорит, что работает). Средняя, или нейтральная, форма учтивости глагола, признаком которой является окончание *-о* или *-со*, может быть только в конце предложения, а не в предложении, выражающем косвенную речь: *ир хао* (он работает), но никоим образом не *ир хао хао*; вместо этого говорят *ир хасинда хао* или *ир хамнида хао* и т. п. Вместо глагола *хао* со значением „говорить“ широко употребляется имя существительное *мал* (речь, слово): *ханда хан мар-ио* (*хандан мар-ио*) ([его] слова есть: работаю > он говорит, что работает). Такое употребление имени существительного *мал* вполне обычно.

339. Риторический вопрос. В корейском языке для особого подчеркивания предложений причины, времени и места очень часто употребляется особая конструкция, которая состоит из условного предложения „если (меня) спрашивают“, следующего за ним вопросительного предложения и ответа на него. Например, предложение „он уехал в Сеул учиться“ может быть сконструировано следующим образом: „если (вы меня) спрашиваете, почему он уехал в Сеул, то (я отвечаю) заниматься“ или „если (вы меня) спрашиваете, куда он уехал учиться, то (я отвечаю) в Сеул“: *кы и-га өдз-рыл канын го хани, свур-*

ыл као (если (вы меня) спрашиваете, куда он едет, то (я вам отвечаю) он едет в Сеул); *кы сарам-и олгор-и ве кырын го хани п'онъ-и тырәсә кырәссо* (если (вы меня) спрашиваете, почему его лицо такое (бледное), то (я вам отвечаю) это так потому, что он болен). Здесь *ко* после причастия имеет значение вопросительной частицы *ко*, а не той частицы *ко*, которая употребляется в косвенной речи.

340. Сложное предложение. Объединение одного предложения с другим в сложное целое достигается в корейском использовании причастий с последующим именем (см. „Послепричастные имена“, п. 225). Для той же цели используются и многочисленные деепричастные формы. В литературном языке обнаруживается явная тенденция объединять в одно целое все предложения, логически связанные между собой; результатом этого являются длинные периоды, которые могут заполнять целые страницы без перерыва и без каких-либо разделительных знаков, кроме модуляции голоса или значения соответствующего деепричастия. В силу наличия указанных средств связи язык не нуждается в союзах. Иногда одно и то же деепричастие может быть в известном смысле повторено дважды; вторично оно повторяется в виде его заместителя *кырә хада* (быть так) в соответствующей форме: *тон икки нын иссына (иссына кырәна) кы сарам-еге-нын чуджи ани хагессо* (деньги-то я имею, но не дам их ему), *чанъса-рыл чал хана (кырәна) намнын тон-ын өпсә* (он работает хорошо, и все же у него ничего не остается). Ближе всего соответствует нашим союзам глагол *кырәхада* (или *кырәтха* — быть так, такой) в его различных деепричастных формах и других образованиях. Все же, будучи широко употребляемым в разговорной речи, он по мере возможности исключается в хорошем литературном языке.

Другим широко употребительным словом при делении периода на меньшие отрезки является *ман* (размер, ценность, достоинство) (как наречие „только“): *йөнджанг-и итчи ман-ын ир хал су өпсә* (инструменты есть, а работать не могу), *кы сарам-ыл оракко хайәтчи ман-ын*

(или *хайётта ман-ын*, или *хайёккөн ман-ын*) *ани оне* (или *оне кыр'ө*) (я сказал ему, чтобы он пришел, а он не явился). Слово *ман*, с усилительной частицей *манын*, употребляется после декларативной формы на *-та*, а также после индециссивной формы на *-чи*. Все же более литературно и, видимо, более правильно употреблять ее после причастия, подобно прочим послепричастным именам.

341. Два отрицания. Отрицание в корейском предложении употребляется один раз; если оно употреблено дважды, то значение предложения положительно: *кырёкхе ани хам'өн мот тдгёссо* (если не делать так, то ничего не получится > надо делать так).

342. Незаконченные предложения. Предложение обычно завершается глаголом в конечной форме. Но наряду с этим употребительны эллиптические или незаконченные предложения. В приказаниях, командах и в ряде других случаев встречаем высказывания, завершающиеся деепричастиями, послелогоми и падежными окончаниями. При таком употреблении предполагается, что опущенный остаток предложения понятен сам собою.

Незаконченность предложения может иметь и социальное значение. Как уже говорилось в главе о глаголе, корейский язык имеет целый ряд форм сказуемого, выражающих ту или иную степень учтивости. Если говорящему не ясно, какая степень учтивости должна быть им высказана, то наилучшим выходом из затруднительного положения является употребление незаконченного предложения. Деепричастие прошедшего времени на *-а*, *-ө* уже с древнейших времен употребляется в качестве субститута всех прочих форм. Вот эта деепричастная форма от пассивной основы (первоначально *-в-а*, *-в-ө*), которая участвовала в создании окончания *-о* (форма средней учтивости), и употребляется ныне как наиболее подходящий и достаточно учтивый способ завершить предложение.

343. Китайские выражения. Порядок слов в корейском языке кардинально отличается от порядка слов в китайском, где, например, дополнение следует за

глаголом. Когда китайские выражения употребляются в корейском предложении, они воспринимаются как одно слово, имеющее составной характер, соответствуя корейскому имени. Используя глагол *хада* (делать, быть) после такого китайского выражения, кореец преобразует его в глагол (см. п. 120). Эта инкорпорация китайского языка в корейский происходит с начала китайского влияния на Корею. В более или менее научном или серьезном произведении мы на каждом шагу встречаемся с подобного рода образованиями на *хада*. По крайней мере три четверти всех глаголов, помещаемых в словарях, относятся к этому типу. Тем не менее китайский порядок слов в предложении не оказал влияния на корейский.

ПРИМЕЧАНИЯ

К предисловию автора. „Едва ли стоит упоминать о небольших грамматических компиляциях, написанных корейцами, которые ничего ценного или нового мне не дали“.

Автор характеризует здесь то положение с изучением корейского языка, которое сложилось в Корее в период ее оккупации японцами, в период насильственной японизации страны, которая не могла не сказаться пагубным образом на исследовании родного языка самими корейцами.

В настоящее время в Северной Корее организовано „Научно-исследовательское общество по изучению корейского языка“ (*Чосон ъмун йонгухъе*), ведущее интенсивную работу по исследованию всех сторон корейского языка и письменности. Специальным решением правительства Корейской народно-демократической республики от 2 октября 1948 года за № 10 на общество возложена задача составить грамматику корейского языка. С этой целью в составе общества была организована специальная комиссия из 12 лингвистов, которая, насколько нам известно, в настоящее время успешно закончила свою работу.

К введению. „... корейская письменность употребляется или, вернее, считается пригодной лишь для детей-школьников и женщин, тогда как корейцы-мужчины и т. д. ...“

Это утверждение Рамстедта отражает далеко не современное положение дел. Действительно, в свое время (XVI—XIX вв.) корейская письменность подвергалась гонению со стороны реакционной феодальной верхушки корейского общества. Ныне положение радикально изменилось. Фактически в настоящее время существует два типа записи текста: 1) смешанный, сущность которого состоит в том, что все слова китайского происхождения записываются иероглифами, тогда как корейский алфавит обслуживает исконно корейские слова и всю морфологию (окончания); 2) чисто корейский, сущность которого состоит в том, что весь текст записывается корейскими знаками независимо от того, каково происхождение того или иного слова. Художественная литература предпочитает пользоваться вторым способом. В научной литературе используется и первый и второй способы. Само собой разумеется, что о делении письменности на „мужскую“ и „женскую“ в настоящее время не может быть и речи.

К п. 77. „... одновременно его именительный падеж...“

Автор называет именительным падежом так называемую бессуффиксальную форму имени существительного, которая, как правило,

совпадает с основой. С этим положением автора согласиться нельзя. На деле именительный падеж корейского языка характеризуется окончаниями *-и* и *-га*. То, что автор называет именительным, соответствует так называемому нулевому или, что то же, абсолютному, или неопределенному падежу других языков. Ошибка автора объясняется неправильной теорией окончаний *-га* и *-и*; об этом см. ниже.

К п. 82. „Известно, что корейцы также говорят *оллын тыл өнөра ...*“

Корейский показатель множественного числа *-тыл* имеет ту особенность, что он может присоединяться не только к тому слову, к которому он непосредственно относится. Так, например, в предложении *оллын тыл өнөра* [идите скорее (вы)] окончание *-тыл* присоединено не к местоимению „вы“, а к наречию „скорее“ (*оллын*). Обычно это имеет место там, где имя-подлежащее, имеющее форму множественного числа, опущено или не может быть выражено по самому характеру предложения (например, в повелительных конструкциях). Такая самостоятельность окончания *-тыл* напоминает поведение местоименной частицы *-ся* в древнерусском языке; ср. „во Индийской же земли кони ся у них не родят“ (Хожд. Аф. Ник.) вместо современного „кони у них не рождаются“ Ср. еще *өди́ро-дыл* [куда вы?] (*с -тыл* после наречия „куда“) и т. д. На этой самостоятельности *-тыл* основано утверждение автора, что «*-тыл* и *-не* могут быть названы „знаком множественного числа“, но они с таким же успехом могут рассматриваться и как самостоятельные слова». Впрочем, автор здесь допускает неточность. Самостоятельность *-тыл* не мешает ему быть все же показателем множественного числа. Она, эта самостоятельность, лишь меняет морфологическую характеристику *-тыл*, превращая его, например, в грамматическую частицу, служебное слово или что-нибудь в этом роде.

К п. 85. В приводимой автором парадигме допущена одна ошибка: абсолютный или неопределенный падеж он называет именительным.

Окончание дательного падежа *-ыйге*, о котором говорит автор, ныне произносится *-еге*: *сарам-еге*.

К п. 86. Автор совершенно прав, когда он отрицает за частицей *-нын*, *-ын* значение падежного показателя. Что касается частиц *-га*, *-и* и *-сө*, то в оценке их автор допускает серьезную ошибку. Отрицая за частицей *-сө* падежное значение, автор, видимо, исходит из этимологических соображений. Действительно, частица *-сө* восходит к глаголу **исида* (быть), являясь его деепричастной формой (*исө* или *ис'ө*). Однако нельзя закономерности одной эпохи подменять закономерностями другой. В настоящее время бесспорно, что частица *-сө* является падежной, конструируя серию локативных падежей, которые формально образуются путем присоединения *-сө* к другим падежным окончаниям (*нуль + сө*, *-ро + сө*, *-е + сө*, *-еге + сө*, *-кке + сө*). Что касается частиц *-га* и *-и*, то отрицание за ними значения име-

нительного падежа является голословным. Оно не подкрепляется даже этимологическими соображениями. Если *-га*, как утверждает автор, имеет детерминативное, ограничительное значение, то это говорит о том, что падежный показатель несет еще какие-то дополнительные функции (если только он несет таковые), что связано с наличием другого показателя подлежащего, так называемого неопределенного падежа, а не об особой непадежной семантике окончания. Кстати, сопоставление корейского *-и* и *-га* с японским *-га* побивает самого автора. Давно известно, что в японском языке частица *-га* имеет чисто падежную функцию, являясь показателем именительного падежа. Что касается попытки противопоставить окончание *-га* окончанию *-и*, то она явно несостоятельна. В современном языке это функционально тождественные частицы-окончания. Различие между ними объясняется исключительно характером той основы, к которой они присоединяются: *-га* следует за гласной основой, а *-и* — за согласной. Из этого следует, что в парадигму помимо указанных автором падежей надо включить еще именительный на *-га* и *-и*, а также серию локативных на *-ро*, *-св*, *-еге* и т. д.

К п. 91. Утверждение автора о функции полного родительного мало обосновано фактическим материалом. Трудно согласиться с ним относительно того, что полный родительный оформляет слова, означающие живые существа и „особо значительные вещи“. Автор этого не показал. Скорее всего, когда надо выразить атрибутивное отношение двух имен, то выбор между родительным и „именительным“ (по терминологии автора, а на деле неопределенным) объясняется необходимостью разграничить конкретное значение от значения обобщенного (вроде русского „поля колхоза“ и „колхозные поля“; только в русском это достигается противопоставлением двух частей речи: имени существительного и притяжательного прилагательного). Известную роль играет также необходимость противопоставить атрибутивное словосочетание, выражающее единое понятие, атрибутивному словосочетанию, где определение выражает случайный, нетерминологизирующий признак [ср. *чосонсарам* (кореец) без оформления родительным падежом, как единое понятие, но *кы сарам-ый ирым* (имя этого человека) с оформленным родительным падежом].

К п. 94. Указанное автором окончание дательного падежа ныне произносится как *-еге*.

К п. 99. В корейском языке есть целый ряд выражений, в состав которых входит неясная по своему происхождению частица-окончание *-и* (которую не следует смешивать с окончанием именительного падежа *-и*; в ряде случаев слова, оформленные этим *-и*, можно толковать как обстоятельства-наречия. Автор пытается объяснить это *-и* как остаток некогда существовавшего, по его мнению, особого падежа, который он называет инструктивным. Попытка эта представляет несомненный интерес. Однако, к сожалению, автор так и не объясняет, что же он имеет в виду под этим падежом. О функциях инструктивного падежа не говорится ни слова. В конечном итоге

весь параграф превращается в собрание примеров, в составе которых имеется этот гипотетически восстанавливаемый падеж с неясными, видимо, и для самого автора функциями. Сопоставление с маньчжурским ни о чем не говорит, поскольку автор упрекает маньчжуристов в том, что они неверно понимают этот падеж, принимая его за родительный.

К п. 131—133. В этих параграфах автор развивает положение о наличии в корейском языке так называемого *будуще-прошедшего* и *прошедше-будущего* времени. Это наименее удачные параграфы в главе о глаголе. Вся теория Рамстедта о *прошедше-будущем* и *будуще-прошедшем* верна лишь в формальной части. Действительно, такие формы как *поаккетта* являются *прошедше-будущим* в том отношении, что они образованы из сочетания морфем *прошедшего* и *будущего* времени. Но такие образования не означают ни *прошедшего* в *будущем*, ни *будущего* в *прошедшем*. Морфема *прошедшего* времени здесь имеет чисто временное значение, но морфема *будущего* времени имеет только *модальное* значение. Таким образом вся форма в действительности означает: „повидимому, видел“, „должно быть, видел“ и только. Такую форму можно было бы скорее назвать с точки зрения содержания *прошедшим* *недостовверным*, но никоим образом не *прошедше-будущим*. Точно также чисто формален термин „*будуще-прошедшее*“, поскольку он отражает только формальный состав таких образований как *погессэт(та)*, в которые входят последовательно морфемы *будущего* и *прошедшего* времени. Нам кажется, кроме того, маловероятным употребление „*будуще-прошедшего*“ в качестве формы законченной предикации; это скорее всего форма *придаточных* предложений типа „если бы я делал то-то и то-то в прошлом“. Опять-таки и тут время одно — *прошедшее*; окончание же *-кет-* вносит идею *модальности*, о чем убедительно говорит следующий пример: *катхын капс-е, мөккессөссьмөн и гэс-ыл мөчһын кәс-и чоаккетта* [если бы я ел, то я бы лучше съел это (а не то)].

Выходит, таким образом, что автор смешал в этих параграфах довольно элементарные вещи: формальное время с семантической модальностью. Отсюда его неверные переводы, которые мы постарались устранить.

К п. 134. „Причастие настоящего времени; его признак — окончания *-һын, -һын*“.

В настоящее время данное причастие имеет только одно окончание *-һын*. Окончание *-һин* принадлежит старому литературному языку. Там оно употреблялось наряду с *-һын*.

К п. 136. „... дал декларативную форму „низкого штиля“ речи: *-һайнда, һайнда*...“

В современном языке осталась только одна форма *-һайнда*. Указывая две формы, автор имеет в виду старый литературный язык, где законы гармонии гласных требовали двух вариантов одного и того же окончания.

К главе IV в целом. Вся эта глава носит название „Неизменяемые слова“. Название явно неудачно, поскольку наречия, о которых говорит автор в предыдущей главе, тоже являются неизменяемыми словами. Скорее всего эту главу следовало бы назвать „частицы речи“, поскольку в ней в основном рассматриваются те слова, которые играют чисто грамматическую роль, приближаясь в некоторой степени к агглютинативного типа „прилепам“. Что касается ономастических слов, то автор напрасно отделяет их от наречий. На самом деле это особая группа наречий. Как таковую, ее надо было рассматривать в предыдущей главе.

К главе V. Предупреждаем читателя, что первая часть этой главы, посвященная именам с суффиксами, является этимологическим исследованием. Ни один из перечисляемых автором суффиксов не является ныне продуктивным. С помощью его нельзя образовать ни одного нового слова. Наоборот, вторая часть главы, посвященная „образованию имен“, является в основном исследованием продуктивной суффиксации современного корейского языка за некоторыми незначительными исключениями.

К п. 332. В этом параграфе автор перечисляет, как правило, продуктивные суффиксы именного словообразования. Правда, при этом он допускает некоторые неточности. Так, например, он рассматривает как равноправные суффиксы *-хый*, *-чанъи* (или, добавим от себя, *-чэнъи*, что более соответствует норме современного литературного языка) и *-кан*. На самом же деле подлинным суффиксом именного словообразования является только *чанъи* или *чэнъи* (обычно наименование лиц, занимающихся тем или иным ремеслом, профессией); *-хый* — это показатель множественного числа и потому не может быть поставлен в один ряд с такими суффиксами, как *чэнъи*. Что же касается *-кан*, то это полноценное слово и оно является в сложных словах их вторым элементом. Если считать его суффиксом, то таким же суффиксом надо считать и *-ход* в русских словах типа *пароход*, *теплоход*, *вездеход*, *скороход* и т. д. Такое смешение понятий, впрочем, легко объяснимо. Насколько мы понимаем, автор стоит на той точке зрения, что суффиксальное словообразование принципиально ничем не отличается от сложносоставного слова. Выходит, таким образом, что слова типа *учи-тель*, *сея-тель*, *писатель* ничем принципиально не отличаются от слов типа *пар-о-ход*, *пар-о-воз*, *мин-о-мёт*. Это к тому же оправдывается и некоторыми историко-теоретическими соображениями. Поскольку в корейском языке продуктивные суффиксы легко этимологизируются, поскольку, например, в слове *мок-су* (плотник) легко вскрывается значение суффикса (*-су* восходит к слову „рука“), постольку, действительно, получается, что с исторической точки зрения всякое суффиксальное слово является сложносоставным. Все же ошибка автора очевидна. Он принимает прошлое состояние языка за настоящее, — вещь, явно недопустимая.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Предисловие автора	17
Введение. Как пишут корейцы	19
<i>Глава I. Фонетика</i>	21
Согласные	21
Гласные	39
Количество (длительность) гласных	43
Гармония гласных	45
Звучание	49
Ударение	51
<i>Глава II. Морфология</i>	53
Общие замечания	53
Имя	55
Склонение	58
Местоимение	70
Неопределенные числительные	77
Числительные	78
Количественные числительные	79
Порядковые числительные	83
Классификаторы	83
Глагол	85
Общие замечания о спряжении	85
Глагольные формы законченной предикации	97
А. Утвердительное изъявительное	97
Простые образования	97
Прочие образования изъявительного наклонения	101
Вежливые (учтивые) формы сказуемого	105
Б. Глагол в вопросительных предложениях	109
В. Формы воления (волеизъявления)	111
Деепричастия	118
Глагольные имена (причастия)	138
1. Глагольные прилагательные	138
Сложное причастие будущего времени	143
Особые послепричастные имена	143
2. Глагольные имена существительные	157
Вторичные глагольные основы	163
Фактитив	169

Прочие отглагольные глаголы	172
Отымённые глаголы	174
О специфическом употреблении некоторых глаголов	176
Глава III. Послелogi и наречия	186
Именные послелogi	186
Глагольные послелogi	192
Наречия	194
Отрицательные наречия	196
Наречия места	196
Наречия времени	197
Наречия качественные и модальные	198
Наречия количественные	199
Глава IV. Неизменяемые слова	201
Энклитики	201
Междометия	206
Ономатопэтические слова	206
Глава V. Словообразование	209
Имена с суффиксами	209
Образование имен	215
Глава VI. Структура предложения	219
Примечания	226

Редактор *Н. Кондрашов*

Технический редактор *Е. Герасимова* Корректор *О. Мамых*

Слано в производство 13/У 1951 г. Подписано к печати 15/VIII 1951 г. А 07225.
 Бумага 84×108¹/₃₂=3,6 бум. л.—11,8 печ. л. Уч.-издат. л. 11.7. Изд. № 13/1199.
 Цена 10 р. 60 к. Заказ 2617.

Набрано в Первой Образцовой типографии имени А. А. Жданова
 Главполиграфиздата при Совете Министров СССР. Москва, Валуевая, 28.

Отпечатано с набора в тип. Трудрезервиздата. Москва, Хохловский, 7.